

*Лучшее лекарство от скуки –
авантюрные детективы Татьяны Толяковой:*

Деньги для киллера	Амплуа девственницы
Ставка на слабость	Список донжуанов
Тонкая штучка	Ангел нового поколения
Я – ваши неприятности	Бочка но-шпы и ложка яда
Строптивая мишень	Мавр сделал свое дело
Как бы не так	Тень стрекозы
Чего хочет женщина	Одна, но пагубная страсть
Сестрички не промах	Закон семи
Черта с два	Сжигая за собой мосты
Невинные дамские шалости	Последняя любовь Самурая
Жестокий мир мужчин	Невеста Калиостро
Отпетые плутовки	Испанская легенда
Ее маленькая тайна	4 любовника и подруга
Мой любимый киллер	Welcome в прошлое
Моя любимая стерва	С чистого листа
Последнее слово за мной	Мое второе я
Чумовая дамочка	Уходи красиво
Интим не предлагать	Неутолимая жажда
Овечка в волчьей шкуре	Огонь, мерцающий в сосуде
Барышня и хулиган	Она в моем сердце
У прокурора век недолог	Тайна, покрытая мраком
Мой друг Тарантино	Выйти замуж любой ценой
Чудо в пушистых перьях	Судьба-волшебница
Любовь очень зла	Наследство бизнес-класса
Час пик для новобрачных	Змей-соблазнитель
Фитнес для Красной Шапочки	Время-судья
Брудершафт с терминатором	Свой, чужой, родной
Миллионерша желает познакомиться	Разрушительница пирамид
Фуршет для одинокой дамы	Дневник чужих грехов
	Особняк с выходом в астрал

Сериал «Машинственная петверка»

Миссия свыше	В самое сердце
Коллекционер пороков и страстей	Четыре всадника раздора
Знак предсказателя	

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить	Сыщик моей мечты
Жаркое дыхание прошлого	Голос, зовущий в ночи
Не вороши осиное гнездо	

Сериал «Фенька – Femme Fatale»

И буду век ему верна	Вся правда, вся ложь
Единственная женщина на свете	Я смотрю на тебя издали
Трижды до восхода солнца	Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сущуцы поневоле»

Капкан на спонсора	Неопознанный ходячий объект
На дело со своим ментом	«Коламбия пикчерз» представляет
Охотницы за привидениями	Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде	Аста Ла Виста, беби!
Вкус ледяного поцелуя	Леди Феникс
Эксклюзивный мачо	Держи меня крепче
Большой секс в маленьком городе	Новая жизнь не дается даром
Караоке для дамы с собачкой	

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня	Все точки над і
Та, что правит балом	Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

ФИТНЕС ДЛЯ КРАСНОЙ
ШАПОЧКИ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Редактор серии *А. Антонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 **Фитнес для Красной Шапочки : [роман] /**
Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2021. —
320 с.

ISBN 978-5-04-154850-6

Жила-была Красная Шапочка. И спасла она от верной гибели серого волка. А волк возьми да и влюбись в нее. Вот тут-то и началось самое страшное... Полина Лунина порой впрямь ощущает себя героиней сказки. Только сказка какая-то жуткая получается: все охотятся друг на друга, а ее используют то ли как приманку, то ли как слепое орудие. И при этом все желают ей добра и счастья — и бандиты, и милиция, и друзья. Правда, Полине от этого не легче: сказка чем дальше, тем страшнее. Придется самой сочинять хороший конец. А конец — делу венец. Возможно, венцом и кончится...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-154850-6

— Очень сожалею, — сказал он и виновато улыбнулся, а я торопливо поднялась и шагнула к двери. — Полина Владимировна, — окликнул он, я повернулась, и мой шеф, пряча глаза, со вздохом добавил: — Я действительно очень сожалею.

Я пожала плечами и вышла, стараясь выглядеть довольной жизнью, дошла до своего кабинета, захлопнула дверь и грязно выругалась. Я только что лишилась работы.

Шеф вызвал меня десять минут назад и, чувствуя себя, как уж на сковородке, заявил, что фирма испытывает трудности и сокращение штата неизбежно, а так как я пришла к ним недавно... ну, и прочее в том же духе. Говорить все это ему было неловко, и он, скорее всего, действительно сожалел, только мне от его сожалений радость небольшая.

— Вот дерьмо, — пробормотала я, достала из шкафа коробку и принялась складывать в нее свои вещи.

Дела в фирме шли прекрасно, и никаких сокращений не предвиделось. Меня выставили просто потому, что я в этом городе в черном списке. Возможно, никакого списка вовсе и нет или он состоит из одной моей фамилии, но то, что работы в родном городе я не получу, совершенно очевидно. А я-то надеялась, что после пятилетнего отсутствия смогу жить спокойно. И вот такое многообещающее начало...

Коробка заполнилась наполовину, когда дверь при-

открылась и в кабинет заглянула Ольга Шевцова. За три недели, что я здесь работала, мы успели подружиться, и выражение тихой печали пополам с недоумением на ее лице меня ничуть не удивило.

— Ты куда собираешься? — почему-то шепотом спросила она.

— Меня уволили, — ответила я, продолжая сборы.

— За что?

— По сокращению штатов. Фирма испытывает трудности... И все такое...

— Он так сказал? — нахмурилась Ольга.

— Ага.

— Он спятил. Какие трудности? Что за бред?

— Если очень интересно, спроси у него.

Ольга присела на краешек стула и, все еще хмурясь, заявила:

— Ты хороший специалист.

— Надеюсь.

— И у нас нет трудностей.

— Наверное.

— Но тебя уволили. Он что, приставал к тебе?

— Нет.

— Нет? Тогда с какой стати...

— Слушай, — разворачиваясь к ней, сказала я, — меня уволили. Официальную версию ты знаешь, а обо всем остальном мне ничего не известно. — Я, конечно, лукавила, ибо истинную причину увольнения знала наверняка, а не просто догадывалась. Но посвящать в свои дела Ольгу я не желала, не потому, что очень скрытная по натуре, а по той простой причине, что помочь Ольга мне не сможет, чего ж тогда понапрасну загружать человека своими проблемами. Сборы я закончила, накинула куртку и, подхватив коробку, шагнула к двери.

— Что, вот так сразу и уйдешь? — спросила Ольга.

— Если меня уволили, я не обязана сидеть здесь целый день. Пока.

— Я к тебе после работы зайду. Ладно?

— Заходи. — Держа коробку под мышкой, я вышла в коридор и, на прощание кивнув Ольге, направилась к выходу.

Оказавшись на улице, я преодолела несколько десятков метров до парка и хлопнулась на ближайшую скамью. Тяжко вздохнула и потянулась за сигаретами. Очень хотелось зареветь, говорят, слезы приносят облегчение, только выглядеть это будет довольно нелепо: сидит девица в парке в обнимку с коробкой и рыдает.

— Ну и черт с ним, — пробормотала я, но относилось это не к моему внешнему виду, а к открывающимся передо мной перспективам.

В другой ситуации я бы особо переживать не стала, потому что специалист я действительно хороший и работу непременно бы нашла, только что толку, если недели через три-четыре после этого все, что произошло сейчас, повторится? Очередной шеф вызовет меня и заявит, что ему очень жаль. Я опять вздохнула, бросила сигарету и, подхватив коробку, побрела домой.

Неужели вновь придется уезжать из родного города? Скорее всего так оно и будет...

Несчастья мои начались семь лет тому назад. В то время я была юной девушкой с нездоровой склонностью к романтизму, этакой Красной Шапочкой. Склонность эта сыграла со мной злую шутку. В дождливый сентябрьский вечер я отправилась на прогулку со своей собакой по кличке Молчун, толкнула железную дверь подъезда и в то же мгновение услышала автоматную очередь. Само собой, тогда я еще не знала, что это такое, и, честно скажу, слегка обалдела, наблюдая, как в дверном проеме передо мной, точно на экране, разыгрывалась классическая сцена из боеви-

ка: в трех метрах от двери «Мерседес», изрешеченный пулями, влетел в дерево, а по соседству — мотоцикл и двое парней на нем. У того, что сидел сзади, как раз и был в руках автомат. Надо сказать, что рядом с нашим домом находился ночной клуб и во дворе устроили стоянку для автомашин, после чего назвать двор спокойным никому бы в голову не пришло. Но *это* было все-таки слишком.

Разумный человек поспешил бы скрыться в подъезде или завизжал бы, на худой конец, от ужаса и неожиданности, а я... я рывкнула: «Молчун, вперед!», и собака, появившись из темноты, прыгнула на автоматчика и вышибла его из седла.

Водитель рванул с места, но, как видно, не хотел бросать товарища и, достигнув угла дома, начал разворачиваться. Можно с уверенностью сказать, что в тот момент я действовала абсолютно бессознательно, потому что даже страха не чувствовала. Я просто надеялась, что выстрелы услышали и сию минуту, точно по волшебству, появится милиция и все это моментально прекратится. Милиция не появлялась, зато дверь «Мерседеса» распахнулась, и я увидела мужчину, он сделал шаг, упал, с трудом приподнялся, а я бросилась к нему. Пока Молчун сидел верхом на стрелке, водитель мотоцикла стремительно приближался, а я оказалась рядом с раненым и попыталась помочь ему добраться до подъезда. Однако роль санинструктора оказалась мне не по силам: парень был слишком тяжелым, и дотащить его до подъезда прежде, чем мотоциклист окажется в опасной близости, я не могла и опять же в беспомощности подхватила автомат, который валялся у моих ног, и, не раздумывая, пальнула. От грохота заложило уши, а я едва удержала автомат в руках. Но толк от всего этого был — парень на мотоцикле поспешил удалиться, а я, с автоматом в одной руке, второй поддерживая раненого, ринулась к подъезду. Лишь только мы достигли убежища, я

крикнула: «Молчун, ко мне!», собака влетела в подъезд, и я захлопнула железную дверь.

И тут силы меня оставили. Раненый сполз по стене, и я вместе с ним. Вцепившись Молчуну в ошейник, я отчаянно завопила: «Помогите!», а Молчун завыл. Когда из квартир высыпали соседи, их ожидало дикое зрелище: окровавленный парень без сознания, я в столбняке, в грязи и чужой кровище и мой верный пес с пеной у пасти. Вызвали милицию, «Скорую»... Меня увезли вместе с раненым, впопыхах не разобрав, что я жива-здорова, сама я пребывала в шоке и внятно объяснить, что произошло, не могла. Молчуна моя мама, прибежавшая на крики, заперла в квартире, а сама поехала с нами. Позднее выяснилось, что у «Скорой» в тот вечер был еще один пациент, тот самый стрелок, изрядно помятый Молчуном. Вот в такой компании я и оказалась в больнице.

Милицейские чины пребывали в недоумении, потому что ничего объяснить я так и не смогла, меня отправили в палату, не обнаружив, к радости моей мамы, никаких увечий. Но тем не менее состояние мое, несмотря на это обстоятельство, было хуже некуда. Я таращила глаза и не могла произнести ни слова. Однако к утру пришла в себя, и в палате появился молодой мужчина в штатском, представился и начал задавать вопросы. Когда все понемногу прояснилось, он выглядел не лучше, чем я накануне, — так его потрясло мое поведение. В милиции-то поначалу решили, что дело выглядело так: я пошла гулять с собакой и, услышав выстрелы, из подъезда не выходила, а вот Молчун выскочить успел, раненый же добрался до подъезда сам, прихватив автомат. Мне бы следовало придерживаться этой версии, но я оказалась не только глупой, но и правдивой, и рассказала, как все оно было, вызвав у молодого человека подозрение в моей нормальности.

К обеду я пришла в себя настолько, что было реше-

но: надобность в моем пребывании в больнице отсутствует. И тут моя мама, которая, несмотря на возраст, тоже тяготела к романтизму, заявила, что я просто обязана навестить спасенного мною мужчину, тем более что он находится в реанимации по соседству. И я пошла. В общем-то, в реанимации посещения запрещены, но для меня сделали исключение.

Я вошла и увидела на постели парня лет двадцати семи с бескровным лицом, тонкими губами и тяжелым подбородком. Не испытывая никаких чувств, я приблизилась, постояла немного и, решив, что выполнила свой долг, собралась уходить. Он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня, губы его дрогнули, он вроде бы улыбнулся и с трудом протянул мне руку. Я ее пожала, а он прошептал:

— Привет.

После чего отключился.

Я поторопилась покинуть палату. В нескольких метрах от нее в похожей палате лежал вчерашний стрелок, возле двери дежурил мужчина в форме. Он сидел на стуле, листая журнал, а увидев меня, весело заметил:

— Ну ты даешь...

— Ага, — кивнула я и побрела к выходу, где меня ждала мама.

Сутки я спала и еще двое мало реагировала на окружающую действительность, а потом начала проявлять к ней интерес. Первым делом выяснилось, что стрелок скончался. Это здорово напугало и меня, и маму, маму даже больше, коли в больнице парень оказался благодаря нашему Молчуну. Но претензий нам никто не предъявил, более того, милиция встреч с нами не искала, а сосед Пашка Демьяненко, которому до всего было дело, трагическим шепотом поведал мне, что киллера «кокнули», и собачка здесь вовсе ни при чем.

— Кто его кокнул? — возмутилась я.

— Кто послал, тот и кокнул. Соображать надо.

— Его же охраняли, — не унималась я, припомнив дядьку с журналом.

— Не смейся, — хмыкнул он презрительно. — Охраняли... вот и доохранялись. Короче, парень скончался, и теперь концов не найдешь.

— Каких концов? — перепугалась я.

— Ну, это так говорится...

Его слова мне ужас как не понравились, и я хотела побыстрее забыть о происшедшем, однако, когда мама сказала: «Надо бы тебе его навестить», я покорно побрела в больницу, хоть и не сразу поняла, о ком идет речь, и даже спросила:

— Кого?

— Как кого? Этого молодого человека. В конце концов, ты ему жизнь спасла и просто обязана...

Это было не очень понятно: раз я спасла ему жизнь, а не он мне, чем же я тогда обязана? Но с мамой я никогда не спорила, у нее своя логика.

Парня после двух операций успели перевести из реанимации в палату, возле которой расхаживали два неприятных молодых человека, которые, однако, без вопросов пропустили меня к больному. «Видно, Пашка не совсем дурак, — подумала я, — одного милиционеры прошляпили, теперь и этого сторожат».

Я постучала в дверь, вошла и увидела еще одного молодца, который сидел на стуле, но, заметив меня, поднялся и, кивнув, покинул палату. Я перевела взгляд на спасенного. Выглядел он неважно, но смотрел весело. Улыбнулся и, как в первый раз, сказал:

— Привет.

Протянул руку, и я ее пожала, ответив:

— Привет. — И вдруг подумала, что не знаю, как его зовут. То есть мне говорили, конечно, да я не запомнила. Вроде бы бизнесмен и богатый человек, хотя у Пашки была своя версия, не насчет богатства, а насчет бизнеса, но и он об этом говорил весьма ту-

манно, так что я сразу заподозрила: ничего он толком не знает, а просто выдумывает.

Между тем парень смотрел на меня и улыбался, а я чувствовала себя крайне неловко. Ну вот я пришла, и что дальше? Сказать мне ему нечего, да и вообще... Я определила цветы, которые принесла, в вазочку, а кисть винограда на тарелку и собралась прощаться, но уйти сразу было как-то неловко, и я спросила:

— Как ваше здоровье?

— Нормально. Скоро выберусь отсюда.

— Замечательно, — промямлила я, — очень рада.

Он улыбнулся шире и вновь взял меня за руку, минуты две тарачился на меня, вгоняя в тоску, а потом заявил:

— Спасибо тебе.

— За что? — не придумала я ничего лучшего.

— Как за что? — засмеялся он. — Ты мне жизнь спасла. Долг платежом красен.

— Ничего вы мне не должны, — ответила я испуганно. — Я вообще не хотела... то есть все нечаянно получилось...

— Ты сядь, — кивнул он на стул рядом. — Расскажи о себе.

— Да мне уже пора, — заволновалась я. — Я только на минутку, узнать, как у вас дела. Я пойду, ладно?

— Тебя Полиной зовут? — спросил он, все еще держа мою руку.

— Да.

— А меня Николай.

— Очень приятно.

— Мне тоже, — засмеялся он.

— Я пойду, мне в институт.

— Где учишься?

— В экономическом. Вы извините, мне правда пора идти. До свидания, — неловко высвободив свою ладонь, я попятилась к двери.

— До свидания, — сказал он и добавил: — А ты отчаянная.

— Это не я, это Молчун. Собака. Это он вас спас.

— Привет ему.

— Обязательно. Выздоровливайте.

— Скоро встретимся, — заверил он.

Я выскользнула в коридор, испытывая странные чувства. В основном они сводились к злости на маму. Ну с какой стати она решила, что я должна его навещать? По-моему, выглядело это по-дурацки... К досаде на себя примешивалось беспокойство: парень мне не нравился. Было в нем нечто настораживающее, что ли... И я дала себе слово, что ноги моей больше здесь не будет, что бы там мама ни говорила.

Время шло, и я понемногу начала забывать о случившемся, то есть я, конечно, все прекрасно помнила, но теперь думала о происшедшем без дрожи душевной, как-то отстраненно, будто и не со мной все это произошло. Так продолжалось около месяца, пока однажды, подходя к своему дому, я не заметила возле подъезда новенький «Мерседес». Дверь его открылась, и очам моим предстал спасенный Николай с сияющей улыбкой на устах. На недавнее нездоровье в его облике ничто не намекало, бледность сменил румянец, но физиономия от этого приятнее мне не показалась, а беспокойство лишь усилилось, потому что стало ясно: здесь он появился неспроста.

— Привет, — по привычке сказал он, шагнув навстречу, и протянул руку, я протянула свою, но он не пожал ее, а поцеловал, я же покраснела, злясь на себя за это, но тут уж ничего не поделаешь: ранее к моей руке никто не прикладывался, было это мне в диковинку и оттого смутило.

— Здравствуйте, — ответила я, пряча руку в карман пальто.

— Рад тебя видеть.

Я рада не была и поэтому ничего не ответила. Па-

рень смотрел и проникновенно улыбался. Стоять столбом посреди двора было нелепо, и я спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Вот приехал в гости. В квартиру пригласишь?

— Пойдемте, — пожалала я плечами.

Мама должна прийти только в пять, и гость мне был ни к чему, но отказать ему я сочла невежливым. Мы поднялись на третий этаж, я открыла дверь и вошла первой. Молчун бросился мне навстречу, увидев гостя, он замер, настороженно поглядывая на него.

— Спокойно, — сказала я и потрепала пса по загривку.

— Шикарный зверюга, — заметил Николай, опускаясь на корточки. — Так это ты проявил чудеса героизма?

— Он. Идемте на кухню, я вас чаем напою.

Мы прошли на кухню, я поставила чайник на плиту и собрала на стол, не сказав при этом ни слова. Молчание гостя меня отнюдь не тяготило, он чувствовал себя вполне комфортно, смотрел на меня, продолжая улыбаться.

— Расскажи о себе, — попросил он, когда мы выпили по чашке чая.

— Что рассказывать? — пожалала я плечами. — Учусь, живу с мамой и братом. Брат старше меня, пришел из армии, сейчас работу ищет...

— Работу мы ему найдем без проблем. — Николай достал из кармана визитку, положил на стол. — Пусть позвонит вечером, договоримся.

— Спасибо, — вяло поблагодарила я. — А у вас как дела?

— Прекрасно. Знаешь что, давай отметим мое выздоровление, закатимся в ресторан...

— У меня времени нет, я по вечерам работаю.

— Как работаешь? — удивился он. — Ты же учишься.

— Учусь. А по вечерам работаю. Мне к шести. Сейчас обед сготовлю и побегу.

— Ясно, — не очень-то обрадовался он. — А где трудишься?

— В одной фирме...

— Бухгалтером, что ли?

— Нет. Я там убираюсь. — Видя по его лицу, что он, похоже, не понимает, о чем речь, я пояснила: — Полы мою. Восемь кабинетов, на все уходит часа два, но добираться далековато, возвращаюсь поздно, а надо еще к занятиям готовиться.

— А в выходной?

— В выходные мы обычно у бабушки. Она плохо себя чувствует, а к нам переезжать не хочет.

— Красиво живешь, — немного подумав, заявил он.

— Нормально живу, — обиделась я.

— А парень у тебя есть?

— Нет, — ответила я неохотно, так как считала, что это не его дело.

— Конечно, откуда ж ему взяться, если ты то дома сидишь, то полы моешь. Сколько тебе в этой фирме платят?

— Тысячу, плюс стипендия... в общем, неплохо получается.

— Неплохо? — вроде бы не поверил он. — Это за год двенадцать тысяч? — Он извлек из кармана бумажник, отсчитал двадцать банкнот по сто долларов и придвинул их ко мне. — Держи. Здесь твой заработок за пять лет. Бросай свою фирму и учись спокойно.

Это меня здорово разозлило, и то, как небрежно он отсчитывал доллары, и то, что всерьез решил, что я могу их взять.

— Вы мне ничем не обязаны. Я не хотела вас спасать, у меня нечаянно получилось. Если честно, мне бы поскорее забыть обо всем этом, так что встречаться нам ни к чему, и вообще...

— Я тебя обидел? — нахмурился он.

— Вы меня не обидели. Я верю, вы действительно хотите помочь, только у меня все в порядке и в помощи я не нуждаюсь. Вы извините, мне готовить надо, а то не успею.

Он тарачился на меня не меньше минуты, но деньги забрал и, к моему облегчению, потопал к выходу.

— Ну что ж, до свидания.

— До свидания.

— Брату скажи, чтоб позвонил, я помогу.

— Спасибо, — кивнула я, и он наконец убрался восвояси.

Вечером, когда мы пили чай, я рассказала маме о визите Николая.

— Андрюшке помочь обещал? А где визитка?

— На холодильнике.

Мама принялась изучать ее.

— Я об этой фирме слышала. Очень серьезная фирма.

— А Пашка говорит — сплошной криминал, оттого-то хозяина чуть и не убили.

— Много твой Пашка знает. Думаю, Андрюшке стоит позвонить. — Я поморщилась, а мама насторожилась: — Что?

— Он мне деньги предлагал. Две тысячи баксов.

— Зачем?

— Не зачем, а за что. За спасение, должно быть.

— Ты не взяла?

— Конечно, нет.

— Правильно, за спасение брать деньги неприлично. Хотя, если человек от чистого сердца...

— Мама...

— Что мама? Думаешь, мне легко видеть, как ты надрываешься? Бегаешь с института на работу, полы моешь. У нас в отделе девчонки расфуфыренные, а ты в сапогах, которые тебе в десятом классе покупали. Джинсы и две кофты — вот и все наряды.

— Мама... — повторила я и добавила мягче: — Я не

надрываюсь. И сапоги вполне приличные, мне их еще на пару лет хватит. Кофту я себе куплю...

— Ага. У нас долг за квартиру полторы тысячи, Андриюшке куртку надо, он же раздетый...

— Он на работу устроится и куртку купит.

— Ох, как без отца плохо... — Мама подошла ко мне, обхватила мою голову руками и прижала к себе. Я испугалась, что она заплачет, но в этот раз обошлось, мама гладила мои волосы и только вздыхала, а потом спросила: — А этот Николай, он как вообще, молодой?

— Вроде бы...

— Что значит вроде бы? Сколько ему: тридцать, сорок, пятьдесят?

— Лет двадцать семь. Я не уточняла.

— Не женат?

— Мама... Мне неинтересно, женат он или нет.

— Он что, урод?

— Глаза, нос, уши... все на месте.

Мама хихикнула, покачала головой и вновь спросила:

— Но он тебе не нравится?

— Ни капельки.

— Почему?

— Просто не нравится.

— Знаешь, что я тебе скажу, — главное, чтобы женщина нравилась мужчине, а все остальное... можно привыкнуть. Ну, вышла я за твоего отца по большой любви. И что? Осталась в тридцать лет с двумя детьми. Папаша копейки не прислал и ни разу не поинтересовался, как мы? Дохни с голоду, а ему и горя мало... вот и вся любовь. Ладно, — мама махнула рукой, — не взяла денег, и правильно. У бедных тоже есть гордость.

О гордости я особо не размышляла, но Мелех Николай Петрович, как значилось на визитке, мне не

нравился, и с этим, как говорится, ничего не поделаешь.

На следующий день, вернувшись из института, я застала на кухне невероятную сцену: мама с Андреем пили шампанское, на столе стоял торт, разнообразная закуска, а лица обоих просто сияли от счастья.

— Что за праздник? — насторожилась я.

— Андрей работу нашел. Отгадай, сколько ему будут платить? Триста долларов, и это только в первое время.

Андрей подмигнул мне, я опустилась на табуретку рядом.

— Что за работа?

— Экспедитором. Конечно, командировки, но это ерунда, привыкну. Завтра выхожу.

— Как фирма называется? — Они переглянулись, не торопясь с ответом. Мне стало ясно, в чем дело, я кивнула и со вздохом заметила: — Ты ему звонил.

— Кому? — нахмурился Андрей, но тут заговорила мама:

— Звонил, и что такого? Мы не милостыню просим, а работу. В этом нет ничего зазорного. Сейчас на хорошую работу просто так не устроишься. И вообще, я не понимаю, почему ты так против него настроена? Андрюша говорит, он приятный человек. Правда, Андрей?

— Да. Классный мужик, такими бабками ворочает, а разговаривал со мной запросто и даже до двери проводил.

— Ладно, — кивнула я, — наливайте шампанского, будем праздновать.

Позднее, лежа в постели и укрывшись с головой одеялом, я попыталась понять, отчего я в самом деле настроена против этого Мелеха, но ответа так и не нашла. Возможно, сработало предчувствие, хотя тогда я еще не знала и не могла знать, что пройдет немного времени — и моя жизнь, пусть не очень веселая, но

привычная и размеренная, полетит под откос и я не раз вспомню дождливый осенний вечер, свой дурацкий героизм, а точнее, глупость, и буду очень сожалеть, что нелегкая понесла меня гулять с Молчуном, сидела бы дома, глядишь, до сих пор жили бы спокойно...

Андрей начал работать у Мелеха, а тот стал частым гостем у нас в доме. Дошло до того, что прежде, чем идти домой, я непременно звонила маме, желая знать, не засиделся ли у нас благодетель, а если оказывалось, что и в самом деле засиделся, под любым предлогом отлынивала от дома. Разумеется, чем чаще приходилось придумывать поводы для того, чтобы избежать встречи с ним, тем больше он меня раздражал, пока дело не дошло до тихой ненависти.

Понимания в родном доме я не находила. И Андрей, и мама в один голос твердили, какой Николай Петрович замечательный, думаю, они лелеяли мечту о том, что я выйду замуж за богатого человека. За богатого я была не против, при условии, что он не будет вызывать у меня отвращения, так что случай с Мелехом был безнадежным, но родственники об этом не догадывались, а я старалась с ними данный вопрос не обсуждать.

Тут подошел мой день рождения. Сообразив, что визита дорогого гостя не избежать, я заявила, что тратить понапрасну деньги не хочу и отмечать день рождения не буду. Но мама с братом опять-таки в один голос твердили, что отметить его просто необходимо, а с деньгами проблем нет, так что экономить ни к чему. (Андрей действительно стал зарабатывать приличные деньги, а по нашим меркам, просто сумасшедшие.) Было ясно: родственники чего-то ждут от этого праздника, то есть надежды не теряют. Николай Петрович к тому моменту у нас так прижился, что разве только ночевать не оставался, называл мою маму «мамулей», отчего та радостно хихикала и целовала его бритую головушку, а он начал заводить раз-

говор о том, что нам надо менять квартиру, наша никуда не годится, и в самом деле принялся что-то там подыскивать. Соответственно, я так распланировала свой день, что домой являлась только на ночлег и счастливо избегала встреч со спасенным. Это положение ни родственников, ни его самого, как видно, не устраивало, и теперь они делали ставку на торжество. Я им немного подпортила игру: отказалась от ресторана и пригласила институтскую группу в полном составе, девчонки у нас трещотки, и болтали мы только о своем, так что Николай Петрович сидел вроде свадебного генерала и, подозреваю, скучал, зато мне было весело. В подарок от него я получила золотые часы, что вызвало бурную радость у мамы и легкий шок у подруг. Николай Петрович, как всегда, никуда не торопился, гости разошлись, а он все сидел в кресле с постным видом. Я отправилась мыть посуду, и он появился в кухне следом за мной, а мама удалилась. Николай Петрович (из вредности я называла его только так, хотя разница в возрасте не была столь уж существенной и позволяла вполне демократично говорить ему «ты» и называть, соответственно, Колей), так вот, Николай Петрович устроился возле подоконника, закурил, а я мыла посуду и делала вид, что его присутствие меня не раздражает.

— Ты довольна? — спросил он, имея в виду празднество.

— По-моему, все прошло отлично, — отозвалась я. — Как вы считаете?

— Лишь бы тебе понравилось. — Он сунул руки в карманы брюк и уставился на меня, да так, что мертвого проймет. Я поспешила вернуться к посуде, но его взгляд жег мне затылок. Я мысленно чертыхалась и думала о том, что не худо бы ему провалиться вместе с часами и взглядами. Ночевать он остался у нас, правда, инициатива исходила от мамы.

— Куда ты поедешь на ночь глядя? — заявила она. —

Андрюшка не придет (Андрей отправился провожать девчонок). К Надьке своей завернул, значит, до утра.

Николай Петрович согласился. Я хоть и не пришла в восторг, однако и пакостей от судьбы не ждала. Спали мы в одной комнате с мамой, а Николая Петровича определили на место Андрея.

Выпила я в тот вечер довольно основательно и оттого уснула как убитая, а когда проснулась, обнаружила рядом с собой Николая Петровича, который пытался слиться со мной в жарких объятиях. Поначалу я даже не испугалась, меня прямо-таки потрясла его наглость, и я подумала: теперь-то мои поймут, какую пакость пригрели, и ноги Николая Петровича в нашем доме не будет.

— Вы что, спятили? — сурово и громко спросила я.

— Да брось ты, — ответил он, намереваясь продолжить в том же духе, а я позвала:

— Мама...

— Ее нет, — усмехнулся он. — Ушла куда-то по срочному делу.

С полминуты я приходила в себя, ну а потом живо напомнила ему, что характер у меня с момента нашего трагического знакомства ничуть не изменился: изловчилась и съездила ему по физиономии, и не по бабьи ладошкой, а так, как меня учил драться старший брат. А когда Николай Петрович, слегка обалдев от неожиданности, откатился в сторону, добавила ему ногой и заорала:

— Молчун, ко мне...

Песик тут же возник рядом, грозно рыча, хотя к моему врагу он успел привыкнуть, раз уж тот буквально жил у нас в доме, но, в отличие от родственников, сориентировался быстро.

— Катись отсюда, — сказала я дорогому гостю, — и чтоб я тебя больше не видела, не то собаку спущу.

— Вот так, да? — спросил он, поднимаясь с пола, где отдыхал некоторое время.

— Вот так, — ответила я.

— Значит, не нравлюсь, — хмыкнул он, натягивая брюки.

— Не нравишься.

— И кто же из этих прыщавых твой дружок? — продолжал резвиться Николай Петрович.

— Не твое дело. А про собаку я не шутила. Ей-богу спущу.

— Посмотрим, — ответил он, но из квартиры убрался.

Мама появилась под утро и, пряча глаза, сообщила, что звонила тетя Валя, ей вдруг среди ночи стало плохо, и мама побежала к подруге, сильно беспокоясь о ее здоровье. Предательство близкого человека потрясло меня гораздо больше поведения Мелеха. От него-то я ничего хорошего не ожидала, но мама... Ненавидеть и презирать родную мать я была не в состоянии, и вся моя ненависть обратилась на Мелеха. Собравшись с силами, я поставила родных в известность, что не желаю его видеть, и если он еще раз появится у нас, уйду из дома. Это произвело впечатление. Впрочем, Николай Петрович встреч со мной не искал. На этом бы и успокоиться, но жизнь, начав катиться под гору, продолжала свое движение. Андрей ошалел от больших денег, много пил, а вел себя в пьяном угаре так, что с души воротило. Ясно было, добром это не кончится.

— Уходить ему надо от этого Мелеха, — не выдержала я. Мама молчала, а Андрей презрительно фыркнул, к тому времени он уже купил квартиру, жил отдельно и мои увещевания ему были безразличны.

Однажды вечером я вернулась с работы и застала маму в слезах, Андрей маялся с перепоя, злой, с красными глазами и опухшей физиономией, а Молчун отсутствовал.

— Где собака? — испугалась я. Мама зарыдала и скрылась в ванной, а Андрей заявил:

— Под машину попал. Я с ним погулять вышел, и вдруг какой-то придурок...

Я опустила на стул, сверля брата взглядом, он его выдержал и зло сказал:

— Чего уставилась? Я, что ли, виноват?

— Ты врешь, — ответила я.

— Тебе что, собака дороже брата?

— Куда ты его дел?

— Закопал возле помойки. Хочешь — проверь, — усмехнулся он.

— Идем, покажешь, где зарыл, — кивнула я.

— Не дергайся. Сдох твой пес. Сдох.

— Сволочь ты, Андрюшка, — вздохнула я. Он заржал, прибежала мама и принялась нас увещевать. А я собрала кое-какие вещи и отправилась к девчонкам в общежитие, где и прожила неделю.

Каждый день ко мне приходила мама и плакала. Домой мне пришлось вернуться, а через месяц, в течение которого мы так ни разу и не встретились, Андрей погиб. В городе болтали разное, мне было не до досужих разговоров, но и в мамину версию об ограблении три огнестрельных ранения не вписывались. Похоронами занялся Мелех и денег не пожалел. На поминках подошел к нам, обнял маму, пообещал, что не оставит ее в беде, говорил трогательно и даже со слезой, а потом сграбастал мою руку и пробормотал сочувственно:

— Сожалею. — Но в его взгляде мне чудилась насмешка. От горя и растерянности я плохо справлялась с эмоциями и сделала то, что в любом случае делать не следовало: плюнула ему в физиономию. Не думаю, что он был виноват в смерти брата. В конце концов, Андрей сам сделал свой выбор, но тогда я склонна была во всех несчастьях винить Мелеха. Он вытер лицо, усмехнулся, пожал плечами, ничуть не смущаясь, и на некоторое время исчез из моей жизни. Правда, раз в месяц от него приезжал человек и привозил ма-

ме деньги. Иногда Николай Петрович звонил ей, и она с ним подолгу разговаривала.

— Зря ты к нему так относишься, — со вздохом увещевала она.

— Мама, он втравил Андрея в гнусную историю...

— С ума сошла, в какую еще историю? Андрюша...

— Я не знаю, чем занимается этот Мелех, но одно ясно: Андрей...

— Замолчи, — прикрикнула мама, — не смей говорить гадости о брате. Мне плевать, что люди болтают. Я знаю одно: когда случилась беда, помог нам только Коля и до сих пор помогает.

— Он помогает, потому что прекрасно знает, что виноват.

— Он помогает, потому что дружил с Андреем и мы ему не безразличны. А ты брату собаки простить не можешь, даже мертвому.

После этого разговоров о Мелехе я избегала и, честно говоря, перестала о нем думать, благо он себя не проявлял до тех самых пор, пока я не влюбилась.

Как водится, чувство поглотило меня целиком, я радовалась жизни, потому что моя любовь не осталась безответной. Сережа сделал мне предложение, я с готовностью согласилась, а вот мама в восторг не пришла.

— На что жить будете? — спросила она сурово.

— Проживем, — оптимистично заверила я.

— Проживете... — презрительно фыркнула она. — А если ребенок? О, господи, о чем ты только думаешь?

Вскоре, однако, думать пришлось не о свадьбе, а о здоровье. Как обычно, проводив меня до дома, Сережа возвращался к себе, но в трех шагах от остановки его встретили трое подонков и жестоко избили. Из больницы он вышел только через месяц, и свадьбу пришлось отложить. Напавших на него парней, конечно, не нашли, что никого не удивило.

Мы вновь назначили день свадьбы. Не успели раны зажить как следует, а Сергея избили вторично, на этот раз прямо возле института. Когда подобное произошло в третий раз, стало ясно: это не случайные хулиганы. Я рассказала Сергею о Мелехе, но он в ответ только усмехнулся. День свадьбы назначили уже в четвертый раз, а я пошла в милицию, потому что внутренний голос подсказывал мне: ждатель, что Мелех угодмонится, — дело зряшное. Беседовал со мной симпатичный дядька, выслушал, покивал и даже посочувствовал, а потом сказал:

— Вам лучше уехать.

— Куда? — растерялась я.

— В другой город.

— А институт?

— Ну что я могу сказать... если все так, как вы говорите...

— Что значит «если»? — возмутилась я.

— Если — это значит, что доказать ничего нельзя. Конечно, то, что ваш молодой человек оказывается в больнице с интервалом в полтора месяца, делает вашу историю правдоподобной. Но сам Мелех никого не бил, следовательно...

— Следовательно, он будет продолжать измываться над нами, а вы и пальцем не пошевелите, — закончила я.

— А на каком основании я смогу его привлечь? У него свора адвокатов, а у меня что? Ваше заявление? Так он мне в глаза рассмеется. И еще вас за клевету к суду привлечет. Так что забирайте заявление и... думайте.

— Спасибо, — кивнула я. — Заявление я у вас оставлю. Если эта сволочь еще раз тронет моего парня, я его убью. Потом не говорите, что не предупреждала.

— Ты не дури, — покачал головой дядька, — убьешь, так в тюрьму сядешь.

Я покинула кабинет, громко хлопнув дверью.

Со свадьбой мы теперь не торопились. Серезины родители ко мне охладели, что было, в общем-то, понятно, и я не обижалась. Дальше стало совсем скверно: пару раз ему звонили по телефону с угрозами, и я, и Сережа жили, как на вулкане. До института его провожал отец, а домой возвращались большой компанией. Сколько так выдержишь? Он и не выдержал. Однако гордость не позволяла просто взять да и бросить меня, он бросил институт и с первым призывом оказался в армии, откуда не вернулся, то есть вернулся, но много раньше положенного срока, удостоившись трогательной речи военкома и памятника за счет общества ветеранов-«афганцев».

Мелех явился ко мне на следующий день после похорон, выразил сочувствие и душевно спросил, не может ли чем помочь. Ясно было, плевать ему в физиономию можно до бесконечности, впечатления это не произведет, да и я к тому моменту научилась держать себя в руках, даже если для этого приходилось сцепить зубы, и вежливо ответила, что горю моему не поможешь.

— Ерунда, — беспечно отозвался Николай Петрович, — все забывается и горе тоже. А о парне твоём, по большому счету, и сожалеть не стоит, если б он тебя любил, не сбежал бы в армию.

Комментировать это утверждение я не стала, лишь взглянула в серые глаза спасенного мною. Мама, наблюдавшая эту сцену, слабо охнула, а сам Мелех, хоть глаз не отвел, но впечатлился, нервно дернул щекой, после чего улыбнулся широко и безмятежно. Стало ясно, нам в одном городе не жить: не он меня, так я его. Ситуация, в которой «я его», виделась смутно, хотя ненависть переполняла меня и, сказать по чести, мне очень хотелось, чтоб земное его существование как-нибудь поскорее бы пресеклось и не без моей помощи (но и несчастный случай меня бы вполне устроил). Словом, выходило по-любому — «он меня», и

убираться из города мне надо было незамедлительно. Однако я еще немного поупрямилась. Закончила институт и устроилась на работу, а через неделю меня уволили, даже не потрудившись придумать предлог. Мама вечером жаловалась по телефону Мелеху, и я слышала, как он сладенько отвечал:

— Ничего, Полина девушка серьезная, что-нибудь подыщет. Я бы с радостью помог ей, но ведь она этого не хочет. Невзлюбила, а вот за что, не пойму.

Но последней каплей стало не это. Друзья, которых, кстати сказать, было у меня немало, в трудное время старались меня поддержать. Был среди них и однокурсник Сережи Володя. Чужой пример, как известно, людей ничему не учит, Володя начал запросто к нам заглядывать, хоть я это особо не приветствовала прежде всего потому, что рана после гибели Сережи не затянулась настолько, чтобы возник интерес к кому-то другому, а еще и потому, что добра от этого не ждала. Так что когда Володю встретили возле моего дома и, не вступая в разговоры, отдубасили, я не очень-то удивилась. Зато число моих друзей заметно убавилось. Сначала отпали представители мужской половины человечества, а потом и девчонки стали сторониться меня, точно чумной. Стиснув зубы, я еще некоторое время терпела, пока однажды обнаружила возле своего подъезда двух здоровячков — они курили, поджидая, когда я подойду, а я замерла в нескольких метрах от подъезда. Возможно, парням я была нужна так же, как прошлогодний снег, и ждали они кого-то другого или просто остановились покурить, но я при виде их физиономий почувствовала животный ужас. Не помню, как я подошла к подъезду, и вдруг неожиданно для себя спросила:

— Ну что, по мою душу? Кости ломать будете?

— Ты что, чокнутая? — удивился один из парней, но удивлялся он фальшиво, а его дружок откровенно хохотнул. Я поднялась в квартиру и тогда поняла: все,

надо сматываться. Жизни здесь мне не будет. Не этот гад, так я сама себя сведу с ума лютым страхом.

На следующий день я уехала за триста километров от родного города, туда, где у меня не было никого, кроме старенькой маминой тетки, больной, капризной, хоть и доброй. Через три года старушка умерла, объявился ее сын, троюродный брат мамы, теткин дом продал, и мне пришлось перебраться на квартиру. К тому моменту я уже освоилась в новом для меня городе, работала в солидной фирме и переезду не огорчилась, скорее наоборот. Стала звать к себе маму. Согласись она переехать, проблем с жильем вовсе бы не стало: продали бы квартиру там, а здесь купили, но мама упорно отказывалась переезжать. В родной город я не навевывалась, а мама, приезжая ко мне, вела себя как-то странно, по большей части спала, раздражалась по пустякам и торопилась уехать. Мне бы уже тогда насторожиться, но я не насторожилась, и, когда мама говорила, что у нее все в порядке, верила на слово, звонила ей трижды в неделю и с чувством выполненного долга продолжала жить не скажу, чтобы припеваючи, но и неплохо, оттого последующие события явились громом среди ясного неба.

Мне позвонили на работу и сообщили, что мама в тяжелом состоянии лежит в больнице. Звонила соседка, но толком ничего не объяснила. С первым же поездом я отправилась в родной город, терзаясь неизвестностью. Действительность оказалась куда хуже любой фантазии. Мама, оставшись в одиночестве, нашла для себя действенное лекарство от тоски, хоть и не особо оригинальное. Говоря проще, уже несколько лет основательно прикладывалась к бутылке, так что ее маета у меня в гостях, раздражение и сонливость стали мне понятны, правда, слишком поздно.

Находясь в подпитии, она решила сварить кофе, поставила турку с водой на плиту, ушла в комнату и задремала перед телевизором. История банальная, но

мне от этого легче не было. Случился пожар, маму едва спасли, в больнице она находилась в очень тяжелом состоянии. Конечно, оставить ее я не могла, позвонила на работу, объяснила ситуацию и занялась насущными проблемами. Ночевала я в больнице, потому что обойтись без меня мама не могла, а остановилась, то есть оставила свои вещи, у соседки, так как квартира здорово пострадала в результате пожара. От соседки я и узнала, что Мелех и после моего отъезда продолжал принимать участие в нашей семье и регулярно снабжал маму деньгами, в которых она, в силу сложившейся ситуации, остро нуждалась. Нет, я не хочу сказать, что он ее сознательно спаивал, но выходило, что Мелех играет в моей жизни роль злого демона. Любви к нему это не прибавило.

Вернувшись однажды из больницы помыться и переодеться, я между делом обнаружила в своей квартире бригаду мастеров, которая благополучно заменила рамы и теперь занималась побелкой. Само собой, я решила узнать, откуда взялись добрые волшебники, ответ меня не порадовал, так как сводился к тому, что они и сами толком ничего не знают, послал их мастер и деньги им платит он, а также следит за работой.

Я попыталась встретиться с мастером и, в конце концов, встретила, он сопел, хмурился, переминался с ноги на ногу, после чего заявил, что его дело маленькое, ему сказали, он делает, а кто да что... «Вам бы радоваться, а не вопросы задавать», — закончил он свое небольшое выступление. Я попыталась найти человека, который дал задание (и деньги) мастеру, и началась сказка про белого бычка, никто ничего вроде бы не знал. Квартиру между тем отремонтировали, а рабочие от меня попросту сбежали, когда я начала выяснять, кому должна за ремонт. Впрочем, особо напрягаться не стоило, я и так знала. И однажды, собравшись с духом, позвонила этому сукиному сыну.

— Привет, — отозвался он лениво. — Как дела?

— Скверно.

— Что, матери не лучше? Выберу время, заеду в больницу.

— Слушай, — задушевно попросила я, — оставь нас в покое.

— Я хочу помочь, — с заметным удивлением сказал он.

— Ты уже помог, — сказала я, — больше не надо.

Не знаю, подействовали мои слова или нет, но в больнице он не появился, что я расценила как первый успех. Через месяц маму выписали, но оставлять ее одну было нельзя, и я, договорившись с соседкой, отправилась к себе, чтобы решить вопрос с работой и квартирой, и через три дня вернулась в отчий дом, стараниями Мелеха неплохо обустроенный. Деньги, те, что еще оставались, вскоре кончились, надо было устраиваться на работу, и тут новая беда — у мамы двухстороннее воспаление легких, что, как мне объяснили, случается довольно часто у лежачих больных. Через несколько дней мамы не стало. Опомнившись от горя, я оказалась перед выбором: либо попытаться жить здесь, либо вернуться к себе, где и место на работе, и квартира были уже давно заняты. Покладистость Мелеха вызвала у меня робкую надежду, что он наконец угомонился и я смогу жить здесь, особо ничем не рискуя. На похороны он не явился и мне не досаждал, так что выходило, что в самом деле успокоился. За пять лет, что меня не было в городе, он успел дважды жениться, правда, и развестись тоже успел, но я всерьез верила, что старые игры ему надоели. И вот вам, пожалуйста: за полгода третье место работы, с которого я вылетаю без видимой причины...

Я достала ключи из сумки, открыла дверь, сняла туфли, плащ и босиком прошлепала в кухню, включила чайник и ненадолго устала в окно. Чайник с

резким щелчком отключился, я повернулась на звук и тут увидела нечто такое, что заставило меня до неприличия широко открыть рот. В комнате прямо напротив меня в кресле сидел мужчина, закинув ногу на ногу и положив руки на подлокотники кресла, он с интересом разглядывал меня. Первой мыслью было: «Ничего себе...», второй: «Вот скотина...» Последнее относилось к моему врагу, то есть к Мелеху. Я ни минуты не сомневалась, что это его рук дело, поэтому устремилась в комнату, пылая праведным гневом.

— Вы как вошли? — рявкнула я.

Мужчина слегка пожал плечами и ответил:

— Через дверь.

Голос его звучал как-то странно, точно парню накинута удавка на шею и по забывчивости не потрудились снять. Впрочем, странным был не только голос. Теперь, когда я была убеждена, что это не грабитель и не галлюцинация, и успокоилась, точнее, разозлилась настолько, что совершенно не боялась, так вот, теперь я могла как следует разглядеть парня. Его внешность оказалась под стать голосу. Бледная до синевы физиономия, узкая, с запавшими щеками и тонким носом, острый подбородок, губы тоже узкие и почти бесцветные. Лицо покойника. Жили на нем только глаза, но они-то как раз мне и не нравились. Цвет глаз был необычен: светлые, почти желтые, такие глаза подошли бы зверю, например, кому-то из породы кошачьих, а на человеческой физиономии выглядели странно, к тому же горели нездоровым блеском, что только усиливало их странность. Мужчина, чей возраст я затруднялась определить, был блондин, волосы зачесывал назад, оставляя лоб открытым, лоб, кстати, тоже тревожил какой-то неправильностью, брови были темные и широкие, а в целом он напоминал Мефистофеля, каким его обычно изображают, не хватало лишь бородки клинышком, лицо у парня было бритое и гладкое как у младенца. Опять же, появился он в

манере Мефистофеля, то есть просто каким-то непонятным образом оказался в моем кресле. Все это выглядело бы комичным, если б не одна вещь: в чертей я не верила, а этот тип как-то вошел в мою квартиру. В целом все это вызывало у меня сильнейшее беспокойство, но отнюдь не страх, оттого я решительно и заявила:

— Вот через дверь и убирайтесь.

Он саркастически усмехнулся, опять же вроде Мефистофеля, сцепил руки замком, посмотрел на них и ответил:

— Не торопись.

— Так, — сказала я, все больше набираясь отваги, — сами уйдете, или милицию вызвать?

— Милицию вызвать ты не успеешь, — покачал он головой, чем утешил меня, не столько, впрочем, заявлением, сколько взглядом, которым оно сопровождалось. Я сразу поняла: точно не успею и, чтобы как-то себя подбодрить, сурово нахмурилась и спросила:

— Вас откуда черт принес?

— Оттуда, — неопределенно пожал он плечами. — Хотел взглянуть.

— На меня? — опускаясь в кресло, спросила я. Парень не делал резких движений, и это меня немного успокоило.

— Конечно. Говорят, он по тебе с ума сходит.

— Кто?

— Ты знаешь, — опять хихикнул он, неожиданно легко поднялся и шагнул ко мне, а я вцепилась в подлокотники и приготовилась орать. Он наклонился, так что теперь я хорошо видела его глаза с узкими зрачками, в глубине которых обнаружила свою физиономию. Парень раздвинул в улыбке губы и задумчиво сказал: — Может, нам лучше подружиться? В самом деле, а?

Не знаю, на что он рассчитывал, но его надежд я не оправдала, потому что сделала то, чего он явно не

ожидал, — пнула его ногой, и он вновь оказался в кресле напротив, а я рванула к входной двери. Я ее уже видела, что в квартире такого метража, как моя, вещь неувидительная, все рядышком. Но, несмотря на это, достигнуть двери я не успела, парень догнал меня, толкнул в спину, и я, заорав, упала, а он навалился сверху. Широтой плеч он не поражал и казался скорее хрупким, но тут же выяснилось, что впечатление это обманчивое: сила в нем была прямо-таки фантастическая, да еще обезьянья ловкость, с которой он в мгновение ока начал стаскивать с меня одежду. Возмись я с ним соревноваться в этом виде спорта, наверняка бы проиграла. В общем, чувствовалось, что в данной области у него колоссальный опыт. Я отчаянно взывала, продолжая сопротивление, по большей части бессмысленное, и тут в дверь позвонили. Весьма настойчиво. Парень замер, и я вместе с ним, хоть и собралась заорать погромче, но он успел закрыть мне рот ладонью, причем так, что я и мычать-то не могла. Кто бы ни был звонивший, но он твердо вознамерился попасть в мою квартиру. Он звонил, дважды стучал и опять звонил, потом ожил телефон, и стало ясно: кому-то я необходима, и этот кто-то уверен, что я в квартире.

Блондин приподнялся, давая мне возможность пошевелиться, и, сделав предупреждающий жест рукой, убрал ладонь с моего лица. Я торопливо приподнялась и теперь сидела на полу. Блондин шагнул к двери, неожиданно схватил меня за плечо и прошептал, широко улыбаясь:

— Тебе повезло. А это на память.

Пальцы его стремительно приблизились к моему лицу, а я, еще не успев сообразить, в чем дело, инстинктивно дернулась, защищая лицо. Острая боль мгновенно обожгла мне шею, я закричала, хлопнула дверь, и вдруг сделалось тихо, никто не звонит, не стучит, а я сижу на полу, и от шеи по ключице на грудь

стекает что-то теплое. Я вскочила и бросилась к зеркалу. Шея была залита кровью, от уха до ключицы алел надрез, в настоящее время казавшийся смертельным. У этого придурка между пальцами было лезвие. Господи, да что ж это такое?..

Я бросилась к телефону и вызвала милицию и «Скорую», не надеясь дожить до ее приезда. Однако рана оказалась пустяковой, то есть это она врачу такой казалась, я-то не пришла в восторг от этого украшения: вдруг шрам останется? Не слышала, чтобы шрам прибавлял женщине шарма... Однако когда появилась милиция, я и про это забыла, потому что начались вещи воистину фантастические. Только я, понемногу приходя в себя, стала рассказывать, как все было, меня перебил мужчина с отеком лица (приехали они втроем, но беседовал со мной в основном именно этот, представляться он не стал, забыл, наверное):

— Как он вошел в вашу квартиру?

— Понятия не имею, — ответила я. — Говорю, он сидел в кресле.

— Юра, посмотри замок. — Юра направился к двери, а я попыталась продолжить свой горестный рассказ, но тут Юра вернулся.

— Не похоже, чтоб его взламывали.

— Дверь была заперта, когда я пришла, значит, замок не взламывали, — стараясь быть терпеливой, сообщила я.

— Тогда как он вошел? У него что, ключ был?

— Откуда мне знать?

— И вы этого типа никогда раньше не видели?

— Нет.

— Что из вещей пропало?

— Не знаю, — растерялась я, — по-моему, ничего.

— Посмотрите как следует.

Я с трудом поднялась и для очистки совести осмотрела квартиру, хотя доподлинно знала, что никаких ценных вещей, способных привлечь грабителя, здесь

нет, все, что было можно, я продала, пока болела мама. Исправно заглянув во все шкафы, я вернулась в гостиную и сообщила:

— Все на месте.

— Это что же получается? — нахмурился милиционер с опухшим лицом. — Влезли в квартиру и ничего не взяли?

— Я же не виновата, — развела я руками.

— Какие-то вы чудеса рассказываете.

— Ничего чудесного я здесь не вижу, — огрызнулась я. — Я пришла, увидела, что в кресле сидит незнакомый мне человек, испугалась, спросила, как он вошел... — Словом, довольно подробно описала произошедшее, умолчав лишь об одном: как этот тип, догнав меня в прихожей, стаскивал с меня одежду. Вопросов на эту тему я бы просто не выдержала, даже покраснела при одном воспоминании о недавних событиях, стиснула зубы, но их пришлось разжать, потому что от меня ждали продолжения. Когда я закончила рассказывать, все трое выглядели совершенно несчастными.

— Это что ж выходит, — вздохнул ранее скромно молчавший молодой человек, — маньяк какой-то?

— Какой маньяк? — повысил голос опухший. — Маньяка нам только не хватало.

— Слушайте, я не знаю, маньяк он или нет, — разозлилась я, — но мне жить в этой квартире, так что было бы здорово, если вы его отыщете поскорее.

— Отыщешь тут, — пробубнил себе под нос опухший, но я его прекрасно слышала. Самый молодой засел за бумаги. Мне задали еще массу вопросов, по большей части бестолковых. — Что у нас выходит, — подытожил опухший. — Мужчина проникает к вам в дом, сидит себе в кресле и дожидается вас. Вы приходите, он вынимает лезвие и — чик вам по шее, а потом уходит. Так? А что он сказал при этом? Или молчал?

— Говорил, — без энтузиазма ответила я.

- Что?
- Сказал, что хотел взглянуть на меня.
- Что? — не понял опухший.
- Хотел меня увидеть, — вздохнула я.
- Так вы знакомы, что ли?
- Я первый раз в жизни его видела.
- А он вас?
- Откуда мне знать?
- Дальше что?
- В дверь позвонили, а потом еще по телефону, он, видимо, испугался, решил убраться отсюда, пошел к двери и ударил меня лезвием.
- Точно — псих. Он что же, к двери пошел сразу после звонка?
- Нет, подождал немного.
- А вы чего в это время делали?
- Орать пыталась, но он мне зажал рот.
- Ну и дела, — с тоской заметил опухший. — Может, вы чего-то не договариваете? Может, виделись раньше? — Он вновь вздохнул. — Описать его внешность сможете?
- Конечно. — Я добросовестно поведала о том, как выглядел мой недавний гость, а молодой человек все добросовестно записал.
- Может быть, есть кто-то, кому вы... ну, понимаете... чем-то не угодили, — вступил в разговор Юра, глядя на меня как-то странно, с подозрением, что ли. — Есть у вас враги?
- Я разглядывала свои руки, прикидывая, стоит ли говорить или нет, и сказала правду — как видно, предыдущий опыт так ничему меня и не научил.
- Есть.
- И кто это? — оживился опухший.
- Мелех Николай Петрович. Домашнего адреса я не знаю, но телефон у меня записан.
- Это какой Мелех? — заметно насторожился опухший, и все трое быстро переглянулись.

— Что значит какой? — разозлилась я.
— И чего этот Мелех? Угрожал вам?
— Нет, — честно ответила я и даже головой покачала.
— Тогда при чем здесь он?
— Вы про врагов спросили, вот он враг и есть. И этого типа наверняка он послал. Попугать немного. Тот и напугал. — Я машинально коснулась рукой шеи, прикидывая, как выглядела бы сейчас моя физиономия, не успею ли отдернуть голову.
— Вы уверены или у вас есть доказательства? — взъелся опухший.
— Уверена, но доказательств нет.
— Ага. И чего нам с этим делать? Пригласить гражданина Мелеха и сказать: так, мол, и так, гражданка Лунина обвиняет вас в покушении на свою жизнь?
— Я его в покушении не обвиняю, я только хочу...
— Но вы же заявили, что вам угрожали...
— Он не угрожал, он ударил, когда собрался уходить.
— И послал его якобы Мелех?
— Я так думаю.
— А вы знаете, что думаю? Я думаю, вы со своим дружкой поскандалили, вызвали сгоряча милицию, он сбежал, а вы малость очухались, дружка жалко стало, и теперь морочите нам голову всякими сказками. Мы будем искать несуществующего блондина, а вы вдвоем над нами посмеиваться.
— Ясно, — кивнула я, сгребла со стола протокол и разорвала. — Извините, что побеспокоила.
— Вы как себя ведете? — возмутился опухший, от избытка эмоций начав заикаться. — Вам это что, игрушки?
Кончилось тем, что они, в конце концов, убрались, а я, заперев дверь на задвижку, рухнула на диван и попыталась решить, что делать. Через пять минут стало ясно: сматываться из города. Если мой враг от пакостей перешел к военным действиям, у меня нет ника-

ких шансов. Признавать это ох как не хотелось, то есть не признавать, а уступать. Сцепив зубы, я лелеяла мечты о мести и дошла в своем рвении даже до самых кровавых способов, но как только вспоминала сцену в прихожей, покрывалась мурашками. Не приведи господи пережить еще раз такое. Так что же, уезжать?

Я потеряла лицо ладонями, пытаюсь привести мысли в порядок. Если я смогу продать эту квартиру, остальное будет не так сложно. А я смогу? Вряд ли. Либо покупатели разбегутся, либо она сгорит в одночасье. Вот черт... Занятая этими невеселыми мыслями, я бродила по комнате, не замечая времени, правда, раза три выскальзывала в прихожую и проверяла входную дверь. Завтра с утра найду слесаря и постараюсь сменить замок. Только особо рассчитывать на то, что это уберет меня от нежелательных визитеров, я бы не стала. Блондин ведь как-то вошел? Вся надежда на задвижку, но тогда придется безвылазно сидеть в квартире. Это тоже не годится.

Зазвонил телефон, я сняла трубку и услышала Ольгин голос.

— Слава богу, — со вздохом заявила она. — Ты что, в ванной отмокала или сидела в наушниках?

— Да вроде нет.

— Ясно. Переживала и видеть меня не хотела.

— Подожди, это ты ко мне приходила? Звонила в дверь, а потом по телефону?

— И звонила, и стучала. Соседка сказала, что ты дома, она с пуделем гуляла, видела тебя. Я уж не знала, что и думать. Вдруг ты от расстройства того... всякое случается.

— Ольга, ты меня спасла, — с благодарностью заявила я и рассказала ей о блондине.

— Ничего себе, — присвистнула подруга. — Слушай, тебе дома нельзя оставаться. Давай ко мне. Вдруг он вернется?

— Не болтай глупостей, — отмахнулась я, не очень-то веря в правоту своих слов. — По крайней мере, не сегодня.

— Приезжай... И мне спокойнее будет.

— Ладно, я подумаю.

Не успели мы проститься, как в дверь позвонили. Я вздрогнула, очень осторожно приблизилась к ней и, стараясь не производить лишнего шума, глянула в глазок. С той стороны стоял один из посетивших меня милиционеров по имени Юра. В некотором недоумении я распахнула дверь и уставилась на него.

— Войти можно? — поинтересовался он.

— Заходите.

Юра вошел, снял ботинки, куртку и посмотрел на меня вроде бы несколько растерянно... Я торопливо предложила:

— Хотите чаю?

— Хочу, — кивнул он и зашагал за мной на кухню.

Пока я возилась с чаем, он устроился за столом и, ненавязчиво поглядывая на меня, о чем-то размышлял.

— Вы что, поймали его? — теряясь в догадках, спросила я. Юра удивленно взглянул на меня, будто пытаясь сообразить, о чем это я, а потом покачал головой:

— Нет.

Я разлила чай и нахмурилась, едва не брякнув: «А зачем тогда пришли?» Но, как видно, Юра и без моего вопроса понял, что я ломаю голову, с какой стати он вдруг вернулся. Он откашлялся, вроде бы собираясь с силами, сделал два глотка чая, посмотрел на меня в упор и сказал:

— Вы Шалаева Константина Игнатьевича помните?

— Помню, — не удержавшись от усмешки, ответила я. Именно к Шалаеву я ходила с заявлением, когда вся местная шпана сосредоточила свои агрессивные инстинкты на Сереже.

— Он у нас теперь начальником, — продолжил Юра с таким видом, будто это объясняло его визит ко мне.

— Да? — без энтузиазма откликнулась я. — Рада за него.

— Мы с ним говорили, — опять-таки со вздохом сообщил Юра.

— О чем? — решила я уточнить.

— О вас, то есть... о той истории. И вообще...

— Заявление примете? — не без язвительности спросила я.

— Какой толк от заявления? — Юра пожал плечами и поспешно отвел глаза. — Ни вы, ни я ничего не докажем.

— Слушайте, — немного понаблюдав за ним, сказала я, — кто вообще такой этот Мелех? Отчего, только лишь услышав его фамилию, менты становятся кислыми?

Юра не без лукавства улыбнулся, а потом позволил себе хихикнуть.

— Разве вы не знаете, кому спасли жизнь? Кстати, чего это он к вам прицепился? По идее, благодарить должен, можно сказать, по гроб обязан.

— А вы у него спросите, — съязвила я.

— Это вряд ли, — погрузнел Юра.

— Вы зачем пришли? — не находя в нашей беседе смысла, решила поинтересоваться я.

Юра пожал плечами:

— Я должен как-то помочь вам.

— Вы лично или милиция?

— А я, между прочим, и есть милиция.

— Как помогать думаете?

— Честно сказать — не знаю. Тип, что к вам приходил, наверняка Мелеха в глаза не видел, даже если поведет и мы его отыщем...

— Не продолжайте, — перебила я, — не совсем дура, телик смотрю. Вы мне на вопрос не ответили.

— На какой? А-а-а... — Юра в который раз за время гостевания вздохнул. — Что Мелех? Мелех и есть. Бизнесмен... говорят..

— Вы дурака валяете или сами ничего не знаете? — разозлилась я.

— А чего тут знать... впрочем, вас же несколько лет в городе не было.

— Точно. Так чем он знаменит?

— Ничем, — широко улыбнулся Юра, будто находил в своем ответе что-то забавное. — Сидит себе тихо, говорят, без особой нужды носа на улице не показывает. Что, в общем-то, понятно. Врагов у него как грязи, так что по улицам особо не набегаешься.

— А чем он занимается? — продолжила допытываться я.

Юра закатил глаза и весело фыркнул:

— Кабы знать, а не догадываться, давно бы пристроили его в надежное место. Но он у нас перед законом чист. То есть совершенно. Даже налоги платит. Как положено. Проверок на него насылали, не вспомнить сколько, но у него все в ажуре, комар носа не подточит.

— Так что у него за бизнес? За что налоги платит?

— Ресторан у него в самом центре, называется «Сфинкс». Может, обратили внимание, там у входа скульптура этого самого Сфинкса, говорят, позолоченная. Врут, как думаете? Врут... ободрали бы давно.

— Ну, и что этот ресторан? — поторопила я, чувствуя, что Юра увлекся.

— Ничего. Шикарный ресторан. С настоящими пальмами. Я там, конечно, не был, рассказываю, что от других слышал. Уточки плавают в пруду, и все такое...

— Занятно. А кроме уточек?

— Наверное, еще что-то есть, но мне только про них рассказывали.

— Что вы дурака-то валяете? — не выдержала я.

— Извините, — совсем другим тоном ответил он. —

Перед законом господин Мелех чист, к тому же связи у него такие, что иной политик позавидует. Губернатор наш не гнушается к нему в ресторан заехать, покушать хорошо ну и о жизни поговорить. И прочие разные люди. Из Москвы частенько навещаются, оттого-то, лишь только фамилия Мелеха всплывает, у наших ментов мгновенно зубы начинают ныть и портится настроение.

— Это я заметила. Значит, ресторан и связи...

— Ага. Дом, где расположен ресторан, Мелех выкупил и живет там же. Квартира на втором этаже, но про нее ничего не скажу, никто из моих знакомых в гостях ни разу не был. Знаю, что дом набит охраной, все бывшие спецназовцы, на жизнь вроде не жалуются.

— А вы на жизнь жалуетесь? — не удержалась я.

— Я на зарплату жалуюсь.

— Так подались бы к Мелеху.

— Мы характерами не сойдемся. Я к вам чего пришел, Полина Владимировна, я ведь, честно говоря, тоже сначала подумал... ну, что вы с нами не совсем откровенны... А теперь уверен: скорее всего вы правду сказали, и визитер действительно был от Мелеха. А если так, то оставаться вам здесь опасно.

— В квартире?

— В городе, Полина Владимировна. Не убережетесь.

— Занятно такое от вас слышать.

— Понимаю. Только и вы поймите. Когда руки-ноги связаны — особо не попрыгаешь. Допустим, пойду я к вам в телохранители...

— У меня на это денег нет, — перебила я его.

— Допустим, я за идею. Толк от этого вряд ли будет. На танк с вилами не ходят. Родственники у вас есть?

— Нет.

— Жаль. А друзья?

— Друзья вроде бы остались, но если все так скверно, чего ж я людей подводить буду?

— Резонно. Ладно, вы подумайте, а я пойду.

«Чего тут думать, — вздохнула я, запирая за Юрой дверь. — Хорошо ему говорить, а куда я без денег уеду? Эх, продать бы квартиру...» Я вновь закружила по комнате, но вместо того, чтобы впасть в отчаяние, начала злиться.

Кружила я по комнате, кружила, распаяя себя праведным гневом все больше и больше, пока в голову мне не пришла одна мысль. Заключалась же она вот в чем: почему бы мне не встретиться с господином Мелехом и не выяснить, чего этот сукин сын добивается? Если в его намерения входит выставить меня из города, так ради бога, пусть только палки в колеса не вставляет, продам квартиру и привет... В конце концов, я ему жизнь спасла, надо бы ему об этом напомнить. Должно быть, с головой у меня в тот вечер было неладно, потому что мысль эта не только не показалась мне идиотской, более того, я вознамерилась претворить ее в жизнь, торопливо оделась, вышла из дома и остановила машину.

— В центр, — сказала отрывисто, — к ресторану «Сфинкс».

Сидевший за рулем мужчина посмотрел на меня без всякого интереса и кивнул, а через двадцать минут остановился около двухэтажного, недавно отреставрированного особняка.

Я поглазела на особняк, вздохнула и потопала к ярко освещенным дверям. Под козырьком возле входа рядом с пресловутым Сфинксом замер молодой человек в темном костюме, белой рубашке и при галстукке. Я с опозданием сообразила, что одета не для выхода в ресторан, и разозлилась еще больше. Наверное, что-то такое отобразилось на моей физиономии, потому что молодой человек, поставленный здесь на-

блюдать за порядком, хотя и взглянул на меня с неодобрением, словесно его не выразил.

Дверь передо мной сама собой распахнулась, и я оказалась в роскошном вестибюле, оформленном в египетском стиле, прямо передо мной замер Фараон, скрестив на груди руки, и от его пустых глаз мне сделалось как-то не по себе. Если честно, захотелось сбежать отсюда. Я бы, наверное, и сбежала, но тут ко мне подскочил молодой человек в красной феске и спросил с улыбкой, правда, какой-то вялой:

— Что желаете?

«Хороший вопрос», — подумала я. Торопливо огляделась и спросила:

— Где у вас бар?

— Вот сюда, пожалуйста.

Он выразительно посмотрел на мои кроссовки и джинсы, но проводил до дверей. Я направилась к стойке, прикидывая, что делать дальше. Возможно, Мелеха вовсе нет в ресторане. Не будь я такой дурой, для начала бы позвонила ему и договорилась о встрече.

— Минеральная вода есть? — осведомилась я.

— Конечно, — усмехнулся бармен, взглянул на меня и убрал усмешку с физиономии. Молча поставил передо мной стакан воды и удалился. Я вертела стакан в руке и собиралась с мыслями. Теперь поход сюда представлялся мне невероятно глупым.

— Черт, — пробормотала я, но получилось довольно громко, сидящие за стойкой посмотрели на меня с недоумением. Я ответила им гневным взглядом. Стакан опустел, а я так и не решила, что мне делать дальше. Вернулся бармен, взглянул на меня и спросил:

— Еще что-нибудь?

— Спасибо, — пробормотала я и услышала за спиной:

— Здесь хороший коктейль, называется «Нефертити», советую попробовать.

Я оглянулась и обнаружила рядом с собой парня

лет двадцати семи, он улыбался так, точно о встрече со мной мечтал всю жизнь.

— В самом деле? — не зная, что ответить, заметила я.

— Можно я вас угощу? — продолжал он расточать улыбки и, не дожидаясь моего согласия, обратился к бармену: — Два коктейля. — Затем сел на табурет рядом и попробовал улыбнуться еще шире. — Я вас раньше здесь не видел.

Бармен холодно взглянул на парня, точно тот сделал что-то неприличное, и занялся коктейлями.

— Вообще-то, я зашла на минуту, — сказала я.

— Выпить минералки? — засмеялся парень.

— А вам какое дело? — не выдержала я и поспешно извинилась: — Прошу прощения, у меня сегодня день ни к черту.

— У меня тоже, — порадовал меня парень. — Попробуйте коктейль, уверен, вам понравится.

Я отпила немного и кивнула.

— Неплохо.

Он опять засмеялся:

— Должно быть, денек у вас и в самом деле выдался паршивый. Меня Виктор зовут, а вас?

— Меня... — начала я и замолчала на полуслове: в баре появился Мелех, он не спеша шел ко мне, сунув руки в карманы брюк и вроде бы совершенно не замечая окружающих. А вот окружающие на него поглядывали. Витя перевел взгляд с меня на Мелеха и инстинктивно отодвинулся.

— Привет, — сказал мой враг, остановившись рядом. — Ты ко мне?

— К тебе, — буркнула я.

— Тогда пойдем. — Через полминуты мы устроились за столом напротив друг друга. — Выпьешь что-нибудь? — спросил он.

— Воды, — ответила я. Он кивнул бармену, и тот принес нам два стакана минеральной воды. Пока мы ждали парня, я смогла как следует рассмотреть Николая Петровича. За пять лет с момента нашей послед-

ней встречи он не похорошел. Набрал лишних килограммов шесть, физиономия приобрела надменно-равнодушное выражение. Уголки губ презрительно опущены, взгляд отсутствующий. Я мгновенно почувствовала раздражение, в этом смысле прошедшие пять лет ничему меня не научили. Меня раздражало все: то как он сидел, как смотрел, как манерно встряхивал рукой, прежде чем взглянуть на часы, раздражали и сами его руки со свежим маникюром, с широкой ладонью и короткими толстыми пальцами, на безымянном сверкал огромный бриллиант в обрамлении изумрудов. Что-либо нелепее и представить было невозможно, да еще тяжелый браслет с подвеской в виде черепа. Раздражение очень быстро сменилось стойким отворачиванием... И с этим типом я пришла говорить. О чем? Пустая трата времени.

Он разглядывал меня и, наверное, тоже злился. Правда, на его физиономии какие-либо эмоции не отразились. Я молчала, и он молчал. Я потому, что собиралась с силами, а почему он — мне неизвестно. Может, ему нравилось наблюдать, как я ерзаю на стуле, подыскивая слова? Эта мысль любви к нему во мне не прибавила, и я невпопад брякнула:

— Нам надо поговорить.

— Слушаю, — кивнул он без намека на какой-либо интерес.

— Я хочу уехать, — злясь все больше и больше, начала я. — Мне необходимо продать квартиру, на это уйдет время...

— Хочешь, чтобы я помог? — повертев стакан в руке, спросил он.

— Хочу, чтобы ты оставил меня в покое, — рявкнула я, а ведь давала слово, что буду держать себя в руках, и вот пожалуйста, стоило этому уроду появиться, и все обещания насмарку.

Мелех поднял брови, глядя на меня с удивлением, точно я сморозила невероятную глупость, и спросил:

- Что ты имеешь в виду?
- Прекрати, — зашипела я, торопливо оглянувшись и вздохнула, призывая себя успокоиться. — Меня уволили с работы...
- А я здесь при чем? — Теперь на его лице появилось недоумение. Он пожал плечами и отодвинул стакан, а я перегнулась к нему и заговорила еще тише:
- Хочешь сказать, что обошлось без тебя?
- Ты спятила, — обиделся он. — Тебя уволили с работы, а какое я могу иметь к этому отношение, раз работаешь ты не на меня? Может, ты просто не справлялась?
- Может, — немного поскрипев зубами, согласилась я.
- Вот видишь... Значит, ты просишь меня помочь тебе с квартирой? — продолжил он.
- Я прошу не мешать, — поправила я, но он не обратил на мои слова внимания.
- Куда собираешься перебраться?
- Пока не решила.
- Тянет к перемене мест. А что у тебя с шеей? — без перехода спросил он. Я машинально коснулась рукой пореза и опять усмехнулась:
- Тебе должно быть об этом хорошо известно.
- Мне? — Он вроде бы искренне удивился.
- Давай поговорим откровенно, — выставив вперед ладонь, точно защищаясь от него, сказала я. — Чего ты хочешь?
- От жизни? — хмыкнул он.
- Нет, от меня.
- От тебя ничего. — Он вроде бы опять удивился.
- Прекрати, — вновь рявкнула я. — Можем мы поговорить откровенно?
- А я что делаю? Только твоя откровенность больше похожа на бред.
- Серьезно? Стоит мне устроиться на работу, как оказывается, что у фирмы проблемы, и меня увольня-

ют по сокращению штатов, хотя в другом городе со мной такого не случилось. Допустим, наш город особенный и ты действительно ни при чем...

— Вот-вот, — кивнул он. — А если так оно и есть, о чем говорить?

— Слушай, — не выдержала я, — в конце концов, я тебе жизнь спасла, хотя бы и в благодарность...

— Вон оно даже как, — присвистнул Мелех. — Ну, спасибо тебе. Кстати, я в долгу не остался, хотя ты из тех, кто добра не помнит.

— Насчет добра в самую точку, — усмехнулась я. — Ты его столько сделал... Так вот, давай забудем друг о друге. Ты мне ничем не обязан, а я тебе. Хорошо?

— Ты так говоришь, как будто я досаждаю тебе своим присутствием, а между тем мы встречаемся впервые за пять лет. Кстати, ты совсем не изменилась, выходит, жизнь тебя ничему так и не научила.

— Николай, — вздохнула я, — я пришла поговорить... Допустим, у тебя имеются причины вести себя таким образом, то есть портить мне жизнь, мне они неизвестны, но я готова признать, что они есть и даже в каком-то смысле справедливы.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — удивился он.

— Ладно, — кивнула я, неожиданно вспомнив слова Юры о том, что писать заявление — напрасный труд. Похоже, что и разговаривать с этим сукиным сыном — затея наиглупейшая. Я резко поднялась. — Извини.

Он схватил меня за руку, хмуро глядя мне в глаза, я попыталась освободить руку, но он держал ее крепко.

— Что это за шрам на шее? — спросил он серьезно.

Я засмеялась, покачала головой и ответила:

— Сегодня у меня был гость. Очень неприятный тип. А это он оставил мне на память.

— Сядь, — кивнул Мелех, — и расскажи, в чем дело.

Я села и рассказала, хотя не видела в этом смысла,